

Лекция 6. Сочетаемость слов под углом зрения психолингвистики.
Человек – «текстовоспроизводящее устройство»?

Я начну эту лекцию с одного случая, имевшего место в России не так давно. В сентябре 2007 года в российской глубинке случилось несчастье: перевернулся автобус с детьми. Дети возвращались с сельскохозяйственных работ, они помогали крестьянам убирать урожай. Автобус был переполнен, сидячих мест всем не хватило. Кто-то даже стоял на подножке. И на повороте автобус опрокинулся. Об этом была довольно подробная информация по Центральному телевидению. Завели уголовное дело, поднялся большой шум. Но через несколько дней в репортаже одного журналиста прозвучало: *Дети висели на подножке* (вместо *стояли на подножке*)! А это принципиально меняло дело: висеть на подножке можно только если дверь не закрыта, и это уже грубое нарушение водителем правил дорожного движения! Значит, шофер безусловно виноват! Откуда же появилась такая информация (не соответствовавшая истине)? Причина крылась не только в недобросовестном журналисте, но и, частично, в языке. Дело в том, что в русском языке существует устойчивое выражение *висеть на подножке*. И как только во внутренней речи появилось слово *подножка*, оно автоматически «вытянуло за собой» его партнера *висеть*. Так реальное *Дети стояли на подножке* превратилось в виртуальное, языковое *Дети висели на подножке*.

Этот пример говорит о том, что наше сознание в процессе порождения речи имеет дело не только со словами, но и с сочетаниями слов. Причем, возможно, эти единицы появляются уже на этапе внутренней речи. Каждое слово имеет своих привычных партнеров, соседей по синтагматической цепи. С точки зрения психологии это **динамические стереотипы** – заложенные в памяти цепочки действий: появление во внутренней речи одного слова провоцирует появление его лексического партнера. Самое яркое проявление таких стереотипов – фразеологические сочетания слов, вроде русских *ахиллесова пята* ‘уязвимое место’, *наломать дров* ‘наделать глупостей в состоянии аффекта’, *одна нога здесь, другая там* ‘очень быстро (сбегать, сходить)’, *намылить шею* ‘наказать, побить’ и т.п. Некоторые слова со 100%-ной вероятностью предсказывают своего ближайшего партнера: *баклуши* – *бить*, *лясы* – *точить*, *ничтоже* – *сумняшеся*, *вдрабадан* – *пьяный* и т.п.

Но можно сказать, что в значении каждого слова заложены определенные условия его сочетаемости. К примеру, словосочетание *густые волосы* – свободное, каждый из его компонентов обладает определенной свободой поведения. Густым может быть лес, каша, туман... Но если попросить носителя языка продолжить этот ряд, то очень скоро появится и существительное *волосы*: нам подсказывает это наш жизненный опыт! А волосы могут быть темные, светлые, вьющиеся, длинные... Но опять-таки где-то на пятом или шестом месте у нас в памяти всплывет и определение *густые*. Значит, словосочетание *густые волосы* – не такое уж свободное! Можно сказать, что в значении слова *волосы* заложена возможность сказать о них «густые», а в значении слова *густой* заложен потенциальный компонент «волосы».

Стоит напомнить некоторые общие положения, которые уже приводились на предшествующих лекциях. В ходе порождения текста выбор каждого (очередного) речевого элемента в значительной степени зависит от того, какие элементы уже были выбраны. Это более всего отвечает стохастической модели порождения речи (в математике ей соответствуют марковские модели высших порядков, а в психологии – ассоцианистская теория). Скажем, каждый пятый элемент в речи имеет вероятность появления, полностью обусловленную предыдущими четырьмя элементами.

Но в целом эта модель плохо соответствует речевой реальности, она слишком механистично трактует язык. Если принять, что каждая лексема тянет за собой следующую лексему и таким образом мы можем получить сколь угодно длинную цепочку слов, то это вовсе не гарантирует нам создания осмысленного и правильного высказывания. Можно в экспериментальных целях построить искусственную фразу, в которой каждое слово будет хорошо сочетаться со следующим, но общий смысл будет отсутствовать. Приведу в качестве иллюстрации стихотворение из книги современного российского поэта, постмодерниста Владимира Строчкова «Глаголы несовершенного времени». Здесь каждое слово или словосочетание, действительно, согласуется по смыслу со следующим, можно сказать, предсказывает его со значительной долей вероятности; то, в свою очередь, предопределяет появление очередного слова и т.д. Но в процессе формирования этой цепочки замысел неоднократно видоизменяется, потому что каждое слово многозначно (или внутренне

омонимично)! На каждом шаге порождения смысл «уходит» в другую сторону, и в результате мы получаем бред, бессмысленный текст:

Лечу стрелой насквозь больную жизнь
чей незабвенный образ я веду
за ручку до которой сам дошел
своим умом когда с него сходил
на землю где сегодня прохожу
по делу о хищениях по складу
души своей где был я проведен
кладовщиком как ясельный младенец...

На самом деле в сознании говорящего с самого начала присутствует замысел, некий общий план, зародыш будущего сообщения, и в соответствии с этим планом и происходит развертывание высказывания. А комбинаторика слов, их сочетаемость – только дополнительный, подчиненный замыслу фактор.

Позволю себе такое сравнение. Вы идете по лесу, зная направление, в котором вам нужно идти. И вдруг попадаете на болотистое место. В таком случае, кроме общей (стратегической) ориентации, вам необходимы какие-то тактические опоры – «кочки», на которые вы будете ступать. Вот всплывающие в памяти слова (точнее, их размытые образы) и создают такой пунктир из «кочек», облегчающий выражение мысли.

Литературный пример. В романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» поэт Бездомный слышит на улице слово «Аннушка». И это слово вызывает в его памяти целую цепочку ассоциаций:

«-- Аннушка... Аннушка?.. – забормотал поэт, тревожно озираясь. – Позвольте, позвольте...

К слову «Аннушка» привязались слова «подсолнечное масло», а затем почему-то «Понтий Пилат». Пилата поэт отринул и стал вязать цепочку, начиная со слова «Аннушка». И цепочка эта связалась очень быстро и тотчас привела к сумасшедшему профессору».

Здесь последовательность *Аннушка – масло – Понтий Пилат – профессор*, действительно, отражает замысел, воплощенный в сюжете.

Но вернемся к комбинаторным способностям слова. Они, конечно, достойны изучения и систематизации. Существуют специальные словари

сочетаемости, а также фразеологические словари, собрания крылатых слов, пословиц и т.п.

К примеру, на материале русского языка можно рекомендовать довольно объемное издание: Словарь сочетаемости слов русского языка. Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 2-е издание. М., 1983. В нем, в частности, на слово **Солнце** после соответствующего толкования («небесное светило, вокруг которого вращается земля...») приводятся списки таких лексических партнеров:

«Яркое, сверкающее, тусклое, большое, огромное, красное, багровое, восходящее...

Поверхность, диаметр, движение, вращение, активность... Солнца.

Шар, диск, круг, восход, заход, блеск, свет, луч... солнца.

Наблюдать, изучать Солнце, видеть... солнце.

Вокруг Солнца вращаться... К Солнцу лететь... На солнце смотреть...

По солнцу ориентироваться...

Солнце встает, всходит, восходит, поднимается, показалось, зашло, село, закатилось, движется, светит, сияет, греет, припекает...» и т.д.

Понятно, что таким образом отражается вся речевая жизнь слова, все особенности его употребления – в разговорных текстах, в научных, публицистических и других.

Наиболее устойчивые словосочетания – те, которые целиком заложены в нашей памяти и воспроизводятся, а не создаются каждый раз заново, – называются фразеологическими. О них уже шла речь; это случаи типа *ахиллесова пята* или *наломать дров*. Еще в начале XX века был издан монументальный фразеологический словарь М.И. Михельсона «Русская мысль и речь», включавший в себя более 11 тысяч словарных статей: устойчивых выражений, крылатых слов, этикетных формул – да еще с цитатами, иноязычными параллелями и т.д. Затем эта лексикографическая традиция была продолжена «Фразеологическим словарем русского языка» под ред. А.И. Молоткова (1-е изд. – М., 1967), «Фразеологическим словарем русского литературного языка конца XVIII - XX в.» под ред. А.И. Федорова (1995) и многими другими пособиями. Существуют также словари крылатых слов, пословиц, эмоционально-экспрессивных оборотов живой речи и т.п., например: Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов. М., 2000.

Естественно, есть такие словари и для других языков. В частности, солидная серия немецкой издательской фирмы Duden включает в себя том

«Stilwörterbuch der deutschen Sprache» (буквально: «Стилистический словарь немецкого языка»), который на каждое слово дает образцы типичных словосочетаний. Вот как говорится об этом в издательской аннотации: «Словарь представляет собой всеобъемлющий справочник употребления слов в предложении и выразительных возможностей немецкого языка. Он содержит осмысленные и грамматически правильные словосочетания и дает им стилистическую оценку». А кроме того, в той же 12-томной серии есть отдельные и тоже очень солидные тома «Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten» («Обороты речи и поговорки») и «Zitate und Aussprüche» («Цитаты и изречения»).

Чем же для нас интересна сочетаемость слова? Через комбинаторику слова реализуется его значение. Скажем, значение слова *солнце* можно с достаточной полнотой представить по его сочетаемости со словами *светит, освещает, жжет, высоко, яркое, летнее, осеннее, на небе, в зените, над горизонтом, над головой, всходит, заходит, спряталось* и т.п. (см. выше). Роль комбинаторного компонента в значении слова можно показать еще на примере словосочетаний типа *каштановые волосы, карие глаза, бурый медведь*. В принципе везде речь идет об оттенках одного и того же цвета – коричневого. Но в значении слова *волосы* как бы содержится условие: оно употребляется со словом *каштановый*, а *глаза* – это то, что может быть *карим*, и т.д. Нельзя сказать по-русски: «У этой девушки – коричневые волосы». Системность лексики позволяет сформулировать и обратную зависимость. Можно сказать: *каштановый* – это свойство волос, *карий* – это свойство глаз, *бурый* – свойство медведя...

Получается, что лексическому значению, образно говоря, тесно в рамках самого слова. Оно стремится перешагнуть эти пределы, реализоваться и в соседних словах. Очень ярко это свойство проявляется в так называемом **семантическом согласовании**. Речь идет о тех (очень частых) случаях, когда в сочетающихся словах повторяется одна и та же сема. Сравним примеры:

профессор читает лекцию (семы 'информация', 'образование');
солнце светит ярко (сема 'свет');
собака лает (сема 'лай');
темная ночь (сема 'темнота');
неизлечимо больной (сема 'болезнь');
нахлобучить кепку (сема 'головной убор') и т.п.

По сути, информация здесь дважды (или даже трижды) дублируется в рамках одного и того же высказывания. Зачем это делается?

Самый общий ответ – для повышения надежности передачи информации (с этой точки зрения в языке много избыточного, но необходимого). Но нас такой общий ответ не удовлетворяет. И мы можем сказать так: семантическое согласование (подобно формальному согласованию в грамматике) необходимо для выражения связи между словами. Действительно, связанные по смыслу слова ведь не всегда оказываются в высказывании рядом (ср.: *Профессор, как я узнал от приятеля, в этом семестре не будет читать лекции*), и наличие общих сем у тех или иных слов сильно помогает при восприятии текста. Что же до процесса речепорождения, то семантическое согласование необходимо для реализации внутренней программы высказывания: это те невидимые глазу корни, которые соединяют кочки, по которым мы ступаем.

Конечно, говорящий, реализуя возникший в голове замысел, контролирует его языковое исполнение. Вместе с тем, часто он не просто принимает помощь языка, но оказывается не в силах противостоять его влиянию. В таком случае человек идет **на поводу у языка**, выбирая те единицы, которые подсказываются правилами комбинаторики. Естественно, при этом видоизменяется (или, можно сказать, страдает) сама мысль.

Приведу примеры речевых ситуаций, когда язык ведет за собой мысль. Сначала иллюстрации из устной речи, зафиксированные в письменных текстах.

«Когда идет девица в брюках обтрепанных в сапогах и на них какая-то цепь **на дубе том...** То это конечно не смотрится» (из уже знакомого нам сборника «Русская разговорная речь. Тексты»). Здесь говорящий высказывает свое мнение о молодежной моде: на одежду навешивались цепи и прочие металлические элементы. И слово *цепь* автоматически тянет за собой строку *златая цепь на дубе том* (это пушкинское стихотворение – «У лукоморья дуб зеленый...» – учат все русскоязычные дети).

Поэт Иосиф Бродский, лауреат Нобелевской премии по литературе, рассказывает (в опубликованных диалогах с культурологом С. Волковым) о своей жизни в Америке:

«И, скажем, в Мичигане – там вообще **хоть три года скачи, ни до какого ресторана не доскачешь**. И поэтому там обедаешь, где придется». Изначальный смысл ‘далеко’, ‘не доехать’, ‘большие расстояния’ воплощается здесь в приблизительную цитату из Гоголя. Это городничий в

комедии «Ревизор» так говорит о своем городе: «Отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». Понятно, что *государство* заменяется на *ресторан*, да и глагол *скакать* Бродским употреблен фигурально.

А когда всемирно известного скрипача (альтиста) Юрия Башмета в интервью спросили о музыкантах, эмигрирующих из России, то он, в частности, ответил:

«Квартиры здесь давно продали, жен забрали, детей, бабушек, дедушек, кошек и **мышек**» (интервью напечатано в журнале «Итоги» в 2007 г.). Словоформа *мышек* появился здесь абсолютно случайно, немотивированно: никакой человек, уезжающий за границу, не будет с собой забирать мышей. *Мышки* появились благодаря *кошкам* (есть название детской игры *кошки-мышки*, есть сказки, в которых в одном ряду с дедом и бабкой действуют кошка и мышка...).

Теперь примеры из художественных текстов.

«Он [Ипполит Матвеевич] еще неясно представлял себе, что последует вслед за получением ордеров, но был уверен, что тогда **всё пойдет как по маслу**: «А **маслом**, почему-то вертелось у него в голове, -- **кашу не испортишь**». Между тем **каша заваривалась большая**» (И.Ильф, Е. Петров. 12 стульев). Здесь слово *масло* в выражении (*всё*) *пойдет как по маслу* вытягивает за собой другое устойчивое выражение – поговорку *Кашу маслом не испортишь* (совершенно неуместную в данном случае).

«От боли я терся головой об обои и всё пытался **занять в пространстве и времени** такую геометрическую позицию, [...] чтоб боль не била...» (Е. Попов. Прекрасность жизни). Если у человека, скажем, болит зуб, то он, действительно, старается принять разную позу (и позицию); это имеет отношение к геометрии, к *пространству*, но слово *время* в данной цитате возникает только потому, что в сознании человека есть устойчивая ассоциация: *пространство и время*.

«Я еще до колхозов был **пролетарии всех стран соединяйтесь**» (В. Пьецух. Освобождение). Тут старик в деревне описывает свою жизнь. И, в частности, рассказывает, что до вступления в колхоз он был неимущим крестьянином, сельским пролетарием. Но слово *пролетарий* сразу же влечет за собой строку коммунистического девиза «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*» – и говорящий не в силах этому противиться.

«Редкий человек. Встретились мы с ним необычайно. Иду я как-то в **спокойствии чинном** мимо витрины магазина «Колбасы». Смотрю...» (Э.

Радзинский. Снимается кино...). Здесь замысел говорящего претерпевает примерно такие изменения. Изначально заданное в сознании *иду спокойно* проецируется на известную с детства строку Некрасова *И, шествуя важно, в спокойствии чинном...* (отрывок под названием «Однажды в студеную зимнюю пору...» из поэмы «Крестьянские дети» все учат в школе). В результате получается *иду я как-то в спокойствии чинном* – хотя спокойствие не обязательно должно быть чинным, и Некрасов тут, строго говоря, не при чем.

«Я поздно задымил, уже в институте. Сначала курил папиросы – «Беломорканал». Потом у нас **произошла оранжевая революция**, и мы перешли на сигареты «Дукат» в оранжевых пачках, по 10 штук в каждой» (А. Ширвиндт, Schirwindt, стёртый с лица земли).

Говорящий рассказывает, как он переходит с одного вида курева – папирос – на другой: сигареты. Но эти сигареты были в ярких упаковках (всплывает слово *оранжевый*), а эта подробность вытягивает за собой словосочетание *оранжевая революция* (политический переворот в Украине), бывшее лет десять назад у всех на слуху. И в результате «на выходе» появляется выражение *оранжевая революция*, не имеющее в общем-то никакого отношения к курению...

Следующая и последняя в этом ряду цитата ценна тем, что ее автор по образованию – психиатр и смотрит на интересующую нас проблему с профессиональных позиций:

«Я часто езжу в поезде **Москва – Воронеж... «Хрен догонишь!»** Последнее словосочетание всегда всплывает в моем сознании при появлении в нем первого. Глупо, но факт. И честно. Поделаться с этим ничего невозможно. В психиатрии это называется **обсессиями**, по-простому – навязчивостями. Лечится плохо» (А. Бильжо. Заметки пассажира).

Источником подобных реминисценций (приблизительных цитат и крылатых слов) чаще всего служат фрагменты литературных произведений школьной программы, строки из массовых песен, фразы из кинофильмов и телепередач (особенно комедийных), пословицы и поговорки, анекдоты и шутки, лозунги, рекламные слоганы, газетные рубрики и т.п.

Между прочим, тот герой рассказа Карела Чапека, профессор Роус, о котором я рассказывал на прошлой лекции, после того, как он помог изобличить преступника, решил опробовать свой метод на других присутствующих. Все шло хорошо, пока профессор не наткнулся на журналиста. От него он смог получить только набор шаблонных фраз –

никакой собственной мысли! На стимул *рука* испытуемый выкладывал целый набор штампов: *Братская рука помощи. Рука, держащая знамя. Крепко сжатый кулак. Нечист на руку. Дать по рукам.* На стимул *оружие* – *Братся за оружие. Вооруженный до зубов. Нанести удар в спину. Мы не покинем поле боя...* и т.д.

Понятно, что использование тривиальных, шаблонных сочетаний слов создает проблему для ревнителей чистоты и правильности речи. Стилистика борется с ними как с речевыми стереотипами. Вот как пишет К. Яковлев в книжке с характерным названием «Как мы портим русский язык»:

«Штампы, наверное, - самая страшная беда писателя. [...] *Молчание* обязательно *тягостное* или *неловкое*, *думы* – *тяжелые* или *нелегкие*, *выстрел* или *взрыв* – *прогремел...* Да что там! Нередко встретишь и *роковые минуты* и *секунды*, *изнурительные бои*, *упорное сопротивление*, *последние силы* и, хуже того, - *нечеловеческие мучения*, *леденящий страх*, *бессильную злобу*, *реальную угрозу*».

А, собственно, как сказать по-другому? Даже если человек обладает оригинальным взглядом на ситуацию, выбор языковых единиц у него не так уж велик. Допустим, о молчании вместо *тягостное* или *неловкое* можно сказать *томительное* или *гнетущее*, но будет ли это лучше?

Всё сказанное убеждает нас в том, что в памяти человека хранятся в готовом виде не только слова, но и целые воспроизводимые **коммуникативные фрагменты** (термин Б.М. Гаспарова) – словосочетания, иногда даже целые предложения. В таком смысле сегодня часто говорят о **прецедентных текстах**, а в литературоведении еще шире – о феномене **интертекстуальности**. В качестве прецедентного текста можно рассматривать не только целые предложения или словосочетания, но и отдельные имена (*Шиллер, Медный всадник, Плюшкин* и т.п.). Феномен текстовых реминисценций, вкраплений из предшествующих текстов изучается в работах многих российских, белорусских, зарубежных авторов: Ю.Н. Караулова, А.Е. Супруна, Г.Г. Слышкина, В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой... При этом данное явление очень интересно в социологическом аспекте: прецедентный текст приобретает роль символа, позволяя судить о культурном багаже носителя языка (и, соответственно, общности такого багажа для адресанта и адресата). Но понятно, что те словари крылатых слов и выражений, которые издаются, охватывают только малую часть реального вербально-культурного мира, существующего в сознании человека.

Уже упомянутый Борис Михайлович Гаспаров, живущий ныне в США, издал в 1996 году в Москве монографию «Язык. Память. Образ», с подзаголовком «Лингвистика языкового существования». Эта книга имела большой резонанс. В ней говорится, что абсолютное большинство употребляемых нами выражений уже было использовано в том или другом источнике и, более того, возможно, и вошло в нашу память благодаря этим источникам. Скажем, Гаспаров берет русскую словоформу *рук* и демонстрирует, что это не какая-то схоластическая форма родительного падежа множественного числа, а часть всем известных оборотов вроде *дело чьих-то рук, отбился от рук, сбыть с рук, я без тебя как без рук, тепло ее рук, «Скращения рук, скрещенья ног, судьбы скрещенья»* (из Пастернака), *пожатие рук, работать не покладая рук, «Ловкость рук, и никакого мошенства»* (ходячее выражение), *он не уйдет от рук палача, «Вещье перо из рук упало»* (Некрасов), *купили с рук, узнать из вторых рук* и т.д., и т.п.

Выводы исследователя оказываются не то чтоб неожиданными, но, пожалуй, слишком категоричными. Прочитую несколько тезисов:

«Основу языкового умения составляют не абстрактные правила, с помощью которых можно было бы создавать различные построения из языкового материала, – но скорее сам этот материал как первичная данность, усваиваемый в конкретной форме и применительно к конкретным условиям употребления».

«Основу нашей языковой деятельности составляет гигантский «цитатный фонд», восходящий ко всему нашему языковому опыту. Языковая память каждого говорящего формируется бесконечным множеством коммуникативных актов, реально пережитых и потенциально представимых».

«Цитата не есть изолированный отрезок речи, раз и навсегда отложившийся в определенной ячейке памяти, но непрерывный «гул», заполняющий всё интеллектуальное пространство, в котором осуществляется наша языковая перцепция и языковое творчество».

Концепция Гаспарова оказалась очень близка теоретической модели, получившей на Западе английское название *usage-based model* («модель, основанная на употреблении»). Эта теория была предложена в конце 80-х годов видным американским ученым, когнитивистом Рональдом Лангакером в противовес хомскианской модели. Суть ее в том, что носитель языка осваивает не только минимальный набор грамматических правил (имеющих, кстати, различную силу), но и огромный объем конкретных

выражений. (Одна из ключевых статей Лангакера опубликована в русском переводе в двух номерах «Вестника Московского университета» за 1997 год). Позже эта теория была развита американцами С. Кеммер и М. Барлоу (S. Kemmer & M. Barlow).

Я думаю, что «цитатный фонд», или «цитатный фон», действительно, существует в сознании носителя языка и является чрезвычайно важным условием речевой деятельности. Однако не забудем, что в примере, приведенном Гаспаровым, мы имели дело с очень употребительным, активным в речи словом *рука*. Любая его форма, в том числе и *рук*, входит в состав или участвует в многочисленных устойчивых выражениях («цитатах»), хранящихся в нашей памяти. Но если бы мы взяли более редкое слово, допустим, *запястье* или *приспосабливать*, то вряд ли нашли бы для него соответствующие устойчивые контексты.

Наличие «цитатного гула» не отменяет иных форм, в которых существует языковая компетенция – таких, как словоизменительная парадигма, словообразовательная модель, синтаксическая схема и др. В пользу этого говорят и те случаи, когда говорящий создает в процессе речепорождения **новую** единицу, явно не существовавшую до данного речевого акта (речь идет хотя бы о словообразовательных окказионализмах вроде *переднесть* или *выступанец*).

Впрочем, рассуждая о том, как соотносится **производство** и **воспроизводство** текста, надо делать поправку на индивидуальные характеристики говорящего. Я имею в виду, что различные типы языковой личности в разной степени предполагают участие творческого момента. Вспомним то, что уже говорилось в одной из лекций о патологических или «акцентуированных» типах. А кроме чисто индивидуальных особенностей, следует учитывать также и роль среды, коммуникативных условий речевого акта. Можно сказать, что существует особый тип языкового сознания, соотносящийся со стереотипными действиями, с массовой культурой и ориентированный исключительно на воспроизводство массовых же текстов. Это – совместная область внимания психолингвистов и социолингвистов.

В частности, саратовские учёные Илья Наумович Горелов и Константин Федорович Седов предлагают выделять речевую субкультуру как «особую область народного коллективного творчества», существующую в сознании носителей языка «в виде цитат, выхваченных из каких-либо текстов, из разнообразных коммуникативных ситуаций. Такие фразы передают экспрессию того момента, осколком которого они являются; они

несут в себе эмоциональную память о речевом акте, их породившем» (Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1997).

А вот примеры подобных ситуаций, зафиксированные в литературе. Сначала – цитата из юмористического рассказа «Драма с попугаем» (авторы – М. Азов, Вл. Тихвинский).

«В одном приличном доме всегда собиралась компания преферансистов. Играли в одну и ту же игру, и говорили одни и те же слова. Острили.

Кто-нибудь чихнет, ему говорят «будь здоров», а он обязательно отвечает:

-- Это не ваше дело, это дело райздравотдела.

Проигрывает человек и обязательно провозглашает:

-- Что такое «не везет» и как с ним бороться.

О служебных делах говорить не принято.

-- Разговор на эту тему портит нервную систему.

-- Работа не Алитет, в горы не уйдет!

Думать тоже не принято:

-- Пусть начальство думает, у него голова большая...».

Второй пример – из текста пьесы (или сценария) Владимира Сорокина «Пельмени». Там действует некто Иванов Николай Иванович, «сторож автобазы, в прошлом прапорщик». Речь этого Иванова насыщена общеизвестными сентенциями, поговорками, коллоквиализмами и трюизмами, типа *Жадность фраера сгубила; Денежки все любят; Чем шире рот, тем больше хочется; Ни шагу назад! Мы ископские, мы прорвёмся; Артиллерия – бог войны* и т.п. Понятно, что такая стереотипность речевого поведения находится в прямой связи со стереотипностью невербального поведения, с убогостью картины мира и жизненной программы данного персонажа.

Итак, сочетаемость слов для психолингвиста представляет двойкий интерес. С одной стороны, таким образом выявляются элементы имманентного, скрытого от нас значения слова. А, с другой стороны, свойство сочетаемости приводит к образованию готовых полуфабрикатов, блоков, облегчающих говорящему путь от замысла к тексту.